

м а с т е р   к р и м и н а л ь н ы х   т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

АЛТАРЬ ПОБЕДЫ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Алтарь победы / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-089531-1

Американские спецслужбы дали ему кличку Альпинист, российские — Ветеран. Раньше он служил в КГБ, потом — в органах безопасности Азербайджана. Теперь же он внедрен в неуловимую террористическую организацию, базирующуюся в горных пещерах Афганистана. Так кто же он на самом деле? Пожалуй, Физули Гусейнов и сам затруднится с ответом. Но это не важно, имеет значение лишь его задача. Тайная лаборатория террористов по производству «грязного» ядерного оружия уничтожена, но два контейнера с готовыми «изделиями» исчезли в неизвестном направлении. Рано или поздно они где-нибудь всплывут, поставив под угрозу жизни тысяч людей. Этого нельзя допустить. И тогда придет час Ветерана — именно он окажется в роли оружия возмездия...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089531-1

© Абдуллаев Ч.А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2017

«Путь к небу залит слезами и кровью, завален развалинами и трупами, нагроможденными фанатизмом».

Пьер Буаст

«На глазах старика выступили слезы. Проклятая война разрушила не только его страну, но и все его уважение к самому себе и к человечеству. Что за нелепое, нарочитое притворство лежит в основе таких понятий, как семья, культура, история, если все это так легко разрушить, смешать с грязью. А ведь все это — Господь! Господь сделал это, воспользовавшись северянами как орудием».

Эдгар Доктору. «Марш»

«Нет нерушимых заветов, ни тех, что от Бога, ни тех, что от пророков.

Кто убивает во имя правды или хотя бы верит в свою правоту, не знает вины.

Не заслуживает содеянное человеком ни адского пламени, ни благодати небесной».

Хорхе Луис Борхес. «Фрагменты апокрифического Евангелия»

Карачи. Пакистан.

За четыре месяца до дня «Х»

Двое мужчин сидели в пыльном подержанном «Ситроене», глядя на стоявший в пятидесяти метрах от них внедорожник «БМВ». Примерно полтора часа назад этот внедо-

рожник припарковался у трехэтажного здания в Карачи, выпустив из своего салона троих мужчин. Водитель остался за рулем, а троица вошла в здание. Двое молодых, очевидно охранники, оглядывались по сторонам, не очень скрывая своей обеспокоенности. Третий, похоже, их хозяин, был невысокого роста, тучный, с подвижным, живым лицом. У него были почти сросшиеся брови, смуглое лицо и красивая черная борода, за которой он явно следил — борода была подкрашена черной иранской хной.

Через некоторое время после того как мужчины вошли в здание, сидевший за рулем «Ситроена» мужчина, которому было за пятьдесят, обратился к другому, которой был заметно моложе него. Первый был типичный англосакс, высокий бледнолицый шатен, со светло-голубыми глазами и в очках. Установить национальность второго было довольно сложно. По отцу он был индейцем из Боливии, а по матери — арабом; она была родом из Египта, причем ее отец был арабом, а мать — эфиопкой. В нем причудливо сочетались черты различных народов и рас, а темной кожей он был даже похож на местных жителей. Но по образу мыслей он был стопроцентным американцем, известным под именем господина Эхидо.

Сидевший рядом с ним человек был сотрудником известной американской инвестиционной компании, уже несколько лет работающим в Исламабаде, что являлось обычной «крышей» для сотрудника ЦРУ. В этой стране его знали под именем Джастина Бруланда.

Они приехали сюда еще до того, как у здания припарковался «БМВ».

— Слишком долго, — заметил Бруланд, — вам так не кажется?

— Нормально, — ответил Эхидо, не поворачивая головы и глядя перед собой, — им есть о чем поговорить. Не забывайте, что он не был здесь уже несколько месяцев.

— Мне показывали его досье, — сказал Бруланд. — Должен признаться, что оно не вызывает у меня никаких положительных эмоций. Он готов работать на кого угодно, лишь бы ему платили.

— Большинство людей похожи на него, — усмехнулся Эхидо, — я давно понял. Деньги не имеют никакой морали. А большие деньги способны купить кого угодно и что угодно. Это универсальный закон. Кажется, Цицерон считал, что нет такой силы, которую нельзя было бы одолеть большими деньгами.

— Вы полагаете, что в нашем мире уже не осталось никаких моральных принципов?

— Абсолютно никаких, — равнодушно ответил Эхидо, — все это глупая химера. Каждый устраивается как может. Важен только размер оплаты. Каждый выбирает своего «спонсора» в этом мире.

— Даже мы?

— Разумеется. Просто мы немного умнее, чем наш уважаемый Мумтаз Рахмани, которого мы сейчас ждем. И нам повезло больше, чем ему. Он умудрился сделать так, что о его предательстве узнали все, кто не должен был этого узнать. И друзья, и враги. А нам повезло, что мы работаем на свою страну, на самую могущественную разведку в мире, получаем достойные деньги и хорошую защиту, что в нашем мире оплачивается весьма дорого. Но я всегда помню о том, что любой из моих напарников, любой из тех, с кем я работаю, любой из моих начальников или сотрудников — в любую секунду может меня предать. И это меня не удивит и не оскорбит. Если им предложат достойный эквивалент их предательства, они сдадут меня, не раздумывая.

— Так можно оправдать любое предательство, — меланхолично заметил Бруланд.

— Конечно, — Эхидо наконец повернул голову и взглянул на своего собеседника, —

нужно быть готовым к тому, что вас могут сдать в любой момент. Это специфика нашей профессии и нашей работы. Когда в мире столько конфликтов и столько денег, было бы наивным полагать, что кто-то может остаться в стороне. Раньше работа шпионов была романтической, сейчас она сугубо экономическая. Романтика, патриотизм, долг, честь, верность — все это глупые и никому не нужные символы. Действуют только прямая выгода и соображения личного характера.

— В таком случае, что здесь делаем мы?

— Работаем, — рассудительно ответил Эхидо, — мы профессионалы и должны делать свою работу. Мы не продаемся не потому, что мы такие принципиальные и порядочные. Просто не хотим рисковать своей карьерой, жизнью, работой, положением. И, как профессионалы, мы понимаем, что в нашем мире предательство быстро вычисляется. Довольно быстро, если вы пытаетесь что-либо сделать в одиночку. Я ответил на ваш вопрос?

— Очень своеобразно, — улыбнулся Бруланд. — Тогда получается, что мы заранее обречены на поражение?

— Почему?

— Любого из наших людей можно купить, предложив им больше денег. А фанатиков, с которыми мы боремся, купить невозможно.

— Глупости. Им как раз предлагают самые большие гонорары.

— Простите. Я вас не понял. Я говорю о «смертниках». Их наши деньги не интересуют. Им вообще не нужны эти бумажки.

— Я тоже говорю о них, — ответил Эхидо, — как раз об этих смертниках. Их «взятки» гораздо больше наших. Им обещают рай в другой жизни, неземное блаженство. Если хотите — это тоже своеобразная форма подкупа, только в другом эквиваленте. По большому счету, они получают в миллион раз больше нас. Вечную жизнь в раю. Очень впечатляет. Иначе они столь охотно не стали бы жертвовать собой.

— У вас своеобразная логика, — сказал Бруланд, — я об этом никогда не думал.

— А вы подумайте, — посоветовал Эхидо. — Никто и ничего не хочет делать просто так, из любви к ближнему или из-за своих идеалов. У нас есть некое чувство долга и корпоративная солидарность, которая с каждым годом значит все меньше. А верующие мусульмане имеют очень мощные стимулы, которые их руководители охотно использу-

ют. Тот же Мумтаз Рахмани заранее пообещал всем своим людям прямую дорогу в рай. Такое ощущение, что у него есть прямой контакт с потусторонним миром.

— Вы давно знаете этого типа?

— Довольно давно. Уже несколько лет. Типичный прохвост, прикрывающийся религией. Нам казалось, что мы сможем его использовать, но он оказался полным идиотом. Сначала умудрился провалить операцию, которую мы готовили почти два года, потом не сумел разгадать примитивный план своих конкурентов. Он послал им сообщение, что повредил ногу и даже не выходит из дома, а они применили типично азиатскую хитрость — подожгли его дом. Он сразу убежал спасать свое имущество. И совсем не хромал. Такая вот глупая варварская уловка, на которую он попался.

— И вы решили его «списать»?

— Не только мы. Хотя не скрою, что я тоже был сторонником именно такого решения. Но в нашем деле ничего не должно пропадать без пользы. Этакое безотходное производство. Смерть нашего бывшего агента должна быть использована в наших интересах. Иначе это просто очередной провал одного из наших людей. И моя личная неуда-

ча. А это вредит и моей карьере, и нашему общему делу.

— Кажется, я понял, — кивнул Бруланд, — ничего личного. Только бизнес.

— Он ошибся, — упрямо повторил Эхидо, — и уже не в первый раз. Одну ошибку можно было простить, но когда человек не хочет учиться и упрямо повторяет свои ошибки, он необучаем. Он не хочет меняться и не хочет ничего понимать. Значит, он обречен.

Едва он закончил фразу, как показалась уже знакомая троица. Один из охранников вышел из дверей, осмотрелся по сторонам и сделал знак. Следующим вышел еще один охранник, а уже затем сам Мумтаз Рахмани с «дипломатом» в руках. Было заметно, что «дипломат» довольно тяжелый. Они прошли к машине и сели в нее.

— Он неисправимый кретин, — убежденно произнес Эхидо, — даже не проверил «дипломат», который ему вручили. Убежден, что, кроме денег, там еще какой-нибудь «сувенир» для нашего друга. Но он так уверен в том, что ему здесь ничего не грозит.

— А если там только деньги? — предположил Бруланд, заводя мотор, чтобы последовать за внедорожником.

— В таком случае он умнее, чем я думал,

а его наниматели глупее, чем мы предполагали, — ответил Эхидо, — но мне сложно поверить, что я дважды ошибся. В любом случае теперь мы все проверим весьма скоро. Они выедут из Карачи на запад минут через сорок. Значит, примерно в это время все и должно произойти.

— Вы не допускаете возможность того, что он откроет «дипломат» еще раньше?

— Зачем? Он уверен, что там деньги. Я даже думаю, что там действительно деньги и ему их показали. А взрывное устройство может быть спрятано где-нибудь в крышке чемоданчика, чтобы не волновать его раньше времени. Там наверняка помнят о его жадности. Не нужно подъезжать к ним слишком близко. Мне не хотелось бы прощаться с этим типом.

Бруланд усмехнулся, чуть сбавляя скорость.

— Они могут от нас оторваться, — предупредил он.

— Ничего, — успокоил его Эхидо, — мы все равно догоним их автомобиль.

— А если ничего не произойдет? — еще раз спросил Бруланд.

Эхидо, глядя перед собой, шумно выдохнул. Затем взглянул на своего собеседника.

— Значит, я ошибся дважды, как я вам уже говорил, и моя задача — не ошибиться в третий раз за день. Если нашему другу удастся выехать отсюда, то в районе Уткала его ждут другие «друзья», которых мы заранее предупредили. Прямо на дороге. Насколько я знаю, там два гранатомета. И вряд ли его внедорожник избежит прямого попадания.

— Вы все предусмотрели, — понял Бруланд. — Значит, у него не осталось ни единого шанса?

— Ни одного, — весело подтвердил Эхидо, — он — отработанный материал, и нам выгоднее сдать его, чем оставлять в живых. К тому же он мой большой должник; я сделал для него больше, чем любой из его родственников. Не удивляйтесь. Я сумел вернуть в их семью тело его погибшего родственника. Пришлось торговаться с талибами, но тело я нашел и вернул. Мумтаз Рахмани клялся, что никогда не забудет моей помощи. Надеюсь, что он подтвердит эти слова и в аду, куда наверняка попадет уже минут через тридцать.

Внедорожник «БМВ» скрылся за углом. Бруланд немного прибавил скорости.

— Не нужно, — снова попросил Эхидо, —

если они почувствуют, что за ними следят, то могут насторожиться.

Бруланд снова сбросил скорость. Их пыльная машина не первой свежести совсем не выделялась среди остальных автомобилей, двигавшихся по улицам Карачи. Мистер Эхидо достал телефон, набрал номер.

— Добрый день, — весело сказал он, — я могу узнать, как чувствуют себя наши друзья? Они благополучно долетели?

— Все в порядке. Они уже дома, — ответили ему.

— Спасибо. Я очень волновался, — он убрал аппарат в карман. — Все, — убежденно сказал он, — его ждут. Если он сумеет выехать из Карачи живым, то дальше Уткала он не проедет.

Прошло еще минут тридцать. Они выехали на южное шоссе, идущее параллельно побережью Аравийского моря. Бруланд посмотрел на своего партнера.

— Может, мы ошиблись? — осторожно спросил он.

Эхидо угрюмо молчал, глядя вперед.

— Они недалеко, — сообщил Бруланд, — наверняка где-то останавливались. Может, он где-то оставил свой чемоданчик?

Эхидо по-прежнему не отвечал. Бруланд